

Рецензия на монографию
**В.В. Хорольский. «Творчество
У.Б. Йейтса и проблема прекрасного в
поэзии символистов».** Воронеж, Кварта,
2018. 114 с. Штрих-код U100554978.

©2019 Т.В. Ривкинд
Старший преподаватель Самарского
государственного университета путей сообщения.
Самара, Россия. E-mail: tatriv@yandex.ru

Не так уж часто бывает, чтобы книжка, попавшая в руки достаточно случайно, заставила читателя многое «переформатировать» в его уже устоявшемся умственном багаже. Тем более если речь идет о небольшой, вузовской монографии. Однако эта монография уже на субтитальном листе заявлена как книга обобщающая, т.е. составляющая «точки», подводящая итог целому историко-литературному периоду. И это уже серьезная постановка вопроса, тем более что речь идет о периоде непростом, где сами эти итоги требуют от автора хирургически тонкого обращения с немалым числом во многом спорных понятий.

Виктор Васильевич Хорольский, профессор Воронежского государственного университета, о котором вездесущий Интернет сообщает лишь, что он «занимался английской литературой, изучал поэзию рубежа XIX – XX вв. С 1990-х гг. специализировался в области западных СМИ и, особенно в области СМИ «развивающихся» стран. В зарубежной литературе в последние годы его стала привлекать и тема «Постмодернизм»».

Как оказалось, рецензируемая здесь монография вобрала в себя импульсы едва ли не от всех перечисленных сфер познания: в ней и английская литература, и рубежи веков, и публицистика, и даже постмодернизм, то ли уже отошедший в прошлое, то ли еще благополучно здравствующий, – вопрос, также не обойденный в монографии вниманием.

Период в истории английской (и англоирландской) литературы, давший тему книге В.В. Хорольского, принято в филологии разбивать на «аспекты», «течения» и «направления», поскольку в нем в сложном конгломерате взаимодействуют и феномен позднего «викторианства», и «праерафаэлитское братство», и пришедший из Франции и «перекрасивший» лондонские туманы импрессионизм, и мало кому понятный неоромантизм, в рамках которого Хенли никак не похож на Конана Дойля, а Честертон – на Киплинга, и, конечно, комплекс *fin de siècle* с его

декадансом и зарождающимся модернизмом. И, разумеется, заявленный в самом названии книги символизм, который кто-то по инерции относит к декадансу, кто-то к модернизму (и не два ли это названия одному и тому же?), а кто-то считает явлением стержневым и самостоятельным (А. Волынский: «Декадентство быстро отцвело... оно быстро расплывается в символизме» – с. 37).

В названии монографии фигурирует лишь одно имя – У.Б. Йейтс, – и фигурирует, конечно, неспроста, он центральный «герой» исследования, хотя в предпосланном книге «Содержании» даже не упомянут, поскольку он здесь не только «сам по себе». Не сама по себе и тема красоты («прекрасного», тоже в названии заявленного) как цель любого искусства, как связующее звено между течениями и направлениями, между Суинберном, Йейтсом и Саймонсом (им посвящены отдельные главы) и теми поэтами «зеленого острова», которые в маленькой книге отдельной главы не получили. Впрочем, книга не только об ирландской литературе, она в емкой форме подвергает анализу весь европейский символизм как культурную данность и ту роль, которую в нем сыграла Ирландия. Основной особенностью национальной поэзии этой страны исследователь видит в стремлении ее поэтов возродить фольклорно-мифологические традиции «героического века», символизировавшие “*«дух» народа, его этническую и социальную целостность»* (с. 88). У.Б. Йейтс: «нет школы для писателя лучшей фольклора» (с. 65).

Рубежи столетий, при всей их исторической идентичности, – всегда время перелома эпох, непременно периоды кризиса, и это кризис сознания современников, подводящих итоги прошедшему веку, кризис общественных отношений, культуры, кризис цивилизационный. На рубеже XVI – XVII вв. эта кризисность окрасила гамлетовское “*The time is out of joint*”, на стыке XVIII и XIX вв. был Ф. Шиллер с его «Песней о колоколе» (“*Ein Jahrhundert ist im Sturm geschieden, / Und das neue öffnet sich mit Mord*”). На рубеже XIX – XX вв., получившем в европейской культуре название «модерна», едва ли не общей стала идея заката культуры, предчувствие общественных потрясений, войн, революций, близящейся гибели мира (Шопенгауэр, Ницше).

Ощущение исчерпанности культуры вело к саморефлексии, к осмыслению предыдущего культурного опыта. Так, в поствикторианской Англии выход из тупика виделся в искусстве Средневековья («праерафаэлиты»), в культуре «загадочного» Востока (Киплинг, Стивенсон, Хаггард), в мистике (Честертон), в скандинав-

ском и родном кельтском фольклоре (Йейтс). И поистине общим достоянием для всех литературных движений была мысль о том, что «красота спасет мир». Роль ее, правда, рисовалась в контексте разных направлений культуры по-разному, и это в монографии тоже не обойдено вниманием.

Расставляя по местам явления культуры рубежа веков как элементы современного ей «фона», автор литературного обзора делает предметом своего исследования символизм в лице трех главных представителей ирландской поэзии – Суинберна, Йейтса и Саймонса, видя в их лирике такие специфические и для ирландской поэзии в целом черты, как «панмистицизм», «панэстетизм», «панмифологизм», «панэзотеризм» (с. 67). «Фоном» же для творчества этого «трехзвездия» служила не только вся совокупность англоирландской поэзии (Теннисон, Пейтер, Синг, Уайлд и др.), но во многом и поэзия общеевропейская, в контексте которой декаденты и модернисты находили своих «предтеч» в Новалисе и Ибсене, в Бодлере и «парнасцах», в Верлене и Малларме, в А. Рембо и А. Жиде. При всем культурном и национальном своеобразии английского рубежа веков на него не могла не влиять и современная ему русская традиция, в которой также были важны и культ Прекрасной дамы, и своя тяга к фольклору и историческому прошлому «святой Руси». В монографии в емкой и концентрированно сжатой форме прослеживается творческое взаимодействие английских символистов с А. Блоком (с. 65 – 67), Вяч. Ивановым (с. 69 – 71), Ф. Сологубом.

«Русские критики, много писавшие о личности Уайльда, – читаем в монографии, – сопоставляли его не только с К. Бальмонтом и И. Северяниным, но и с Ф. Достоевским», хотя ценностная ориентация английских эстетов и гедонистов отделяла их, конечно, «от гуманизма таких художников, как Достоевский» (с. 53).

Сходство в целях ирландского и русского поэтических миров предопределило и их стиливые сближения, которые автор находит в обилии метафорических и декоративных эпитетов, сравнений и других тропов (с. 76).

Может вызвать вопрос термин «школа», использованный автором по отношению к «праерафаэлитам», дабы отказать им в принадлежности к «направлению» в искусстве, – на том основании, что эстетическая программа семейства Россетти «не была подробно разработана теоретически» (с. 13 – 14). У «озерной школы» или у «натуральной школы» в России были в этом отношении достаточно определенные эстетические программы. Может быть, дело, главным образом, в том, что «праерафаэлитов» было маловато, чтобы считаться «направлением», – всего три человека?

Привлекательную черту монографии В.В. Хорольского представляют четкие анализы стихотворений Йейтса и Саймонса, часть из которых представлена и в его собственных переводах.

Осуществляемый в книге обзор эпохи декаданса звучит поразительно актуально и для десятилетий следующего «рубежа веков» – недавно пережитого нами стыка XX и XXI столетий, где «массовая» культура в не меньшей степени «способствовала “дегуманизации” тех самых “масс”, вкусы и интересы которых вроде бы полностью учитывала. Она развлекала массы, приучая обывателя к бездумному потреблению благ цивилизации. Не удивительно, что творческая интеллигенция скептически относилась к журналистике, обвиняя ее в низкопробной сенсационности, пошлости и прямом идейном одурманивании невзыскательной публики» (с. 11).

Книга В.В. Хорольского предназначена для филологов – от студента до профессора. Это книга тщательно продуманная, нигде не оставляющая исследовательских «лакун» и, не желая обидеть студентов, думается, более полезная все же для профессоров.